

— Ура! Наконец-то! — голоса семиклашек смешно ломались, словно едва опевшиеся петушки опробывали первую распевку, но ничего толком пока не ладились.

Так бурно были встречены слова физрука Анатолия Семеновича, который после торжественной линейки в честь 23 февраля объявил в классе, что сегодня можно будет отправиться на долгожданную лыжную прогулку. Осталось только принести из дома лыжи, а с трактористом МТМ, заядлым рыбаком Петряковым все обговорено, он в одиннадцать подъедет к школе с вагончиком, который всегда стоял в его дворе. Молодой физрук был из местных, три года после педучилища.

В честь праздника уроков было всего два, потом — общешкольная линейка. После нее девочки вручили мальчишкам приготовленные сувениры — и всем по домам. Лишь семиклассники, переодевшись дома по-спортивному, снова подтягивались к школе, где у ворот блестел гусеницами ДТ-75 в сцепке с вагончиком. Он был оббит жестью, сверху торчала закопченная труба буржуйки. Вагончик совместными усилиями сделали местные рыбаки, любители зимней ловли. Для этого пригодился спиленный прицеп.

В школе осталась в исправности всего пара-тройка лыж с креплениями и ботинками к ним. Поэтому для лыжной прогулки приходилось надеяться на свою амуницию. Школьники всю зиму упрашивали физрука покататься с горки на Волчьей балке, что в десяти километрах от Казанки. Волков там давно распугали с тех пор, как обустроили рядом полевой стан второй бригады.

Хоть физрук и долдонил одеться потеплее, но какое катание в тулупах. Вот все и явились налегке: кто в фуфайке, кто почти в картонной куртке, лишь девочки пришли в тех же самых пальтишках, примелькавшихся в школе — и на прогулке хотели выглядеть не абы как. Выделялась высоким ростом и демисезонным пальтецом со стильным разрезом хохотушка Ольга Зимянина. Комсорг Зоя Бойченко была в своем красном пальто с маминого плеча, мама у нее такая же сухая, как подросток.

Анатолий Семенович, поджав губы, придирчиво осмотрел собравшихся. На дворе минус десять. Хорошо хоть на девочках двойное трико, как они уверяли.

— Дядя Толя! — хотел о чем-то спросить конопатый Сашка Кропотов, который жил через забор от физрука и считал, что это дает ему право на некие поблажки в общении.

— В школе нет никаких дядей и тетей, сколько раз можно повторять, — перебил его Анатолий Семенович. — Только по имени-отчеству...

Соседский мальчуган сморщил на носу веснушки и спросил в обход всяких имен:

— А сколько мы будем кататься?

— Часа три. Больше не успеем. Надо засветло вернуться домой...

Лыжи у Кропотова были с самодельными петлями из плетеных чехмоданных ремней, сам в валенках. Они будут скользить, обязательно к подошвам прилипнет снег, трудно будет поворачиваться. У других экипировка тоже не на высоте. Но раз сами просили, пусть потешатся. Лишь очкастый отличник Олег Хаменчук и здесь показал свою дотошность: в высоких отцовских ботинках, куртка с кашпоном.

— Варежки, перчатки у всех есть? — напоследок спросил физрук. — Достали из карманов, показали. Кто забыл, того не возьмем с собой. Ладно, забирайтесь в вагончик!..

Класс из двенадцати человек делился поровну на мальчиков и девочек. Детвора с трудом затолкалась в тесный вагончик, девчата обособились на правой боковой лавке. Парни уселись напротив. Весь проход завалили лыжами. Получился целый штабель высотой в полметра.

Сам физрук сел в кабину рядом с вечно чумазым трактористом Петряковым. В кабине витал запах «Московской».

«Успел уже, — поморщился физрук. — Наверное, прихватил бутылочку с собой...».

У неунывающего тракториста весело блестели глаза из-под малахая. За эту поездку ему в школе выделили тридцатку из профсоюзных денег, попросив только не «набраться» раньше времени — дети все-таки доверены.

Петряков потянул на себя сдвоенные рычаги, трактор дернулся, выпустив дымок, гусеницы заскрежетали, рубцую прикатанный снег на грунтовой дороге, убегаящей сквозь тополиную аллею за село.

Свет едва проникал в единственное окошко вагончика. Это подвигло некоторых мальчишек на предсказуемое комментирование. Тут же раздалось неистребимое:

— Темнота — друг молодежи...

— Книжку точно не прочитаешь, — комсорг класса Зоя Бойченко попыталась по долгу службы перевести разговор в другую плоскость.

— Зато можно в прятки поиграть, — опять не растерялся мальчишечий ряд.

— Это чтобы прятаться друг за другом? — развивалась тема.

И сразу началась обычная чехарда:

— Сегодня все село будет пьяненькое...

— Не все, не преувеличивай!..

— А все-таки зачем к балке? Вдруг волки вернулись...

— А мы не вкусные...

— Нет, правда, — одиноко звучал девичий голосок, принадлежавший Зимяниной. — Мой отец однажды осенью был у Камней. Он всегда на охоту ходит пешком за много километров. Там между сопок узкая тропа, камни — и вдруг на пути волчица...

— И что?

— Она смотрела на моего папку и у нее из глаз капали слезы. Наверное, рядом были ее волчата. Папка сразу повернул назад...

— Холопов, убери свою руку! — визгливо вскрикнула толстушка Манька Веревкина. — Шаловливая она у тебя ...

В вагончике надышали, и пар перестал выходить изо рта. Вскоре всех сидевших потянуло набок — тракторист повернул направо и съехал с грейдера на грунтовку. Сильнее заскрипели лавки из-за качающихся тел — ухабы не давали расслабиться.

— Я не умею держаться за воздух, — сострил Холопов.

— Зато курить хорошо умеешь.

— А ты видела?

— Небось, и сейчас в кармане «Прима» заныкана. Слабо вывернуть карманы?..

— Да убери ты свои грабли, Холоп!..

Трактор внезапно замолк, слышно было, как Петряков чертыхается снаружи. Дверь вагончика открылась, физрук был виден в проеме по плечи.

— Выгружаемся!

Детвора стала резво прыгивать на снег. Всем бросились в глаза стожки соломы, усеявшие совхозное поле. Солому время от времени вывозили на ферму для подстилки скоту.

— Это же не Волчья балка,— поблескивал линзами Олег Хаменчук, близоруко оглядываясь.

— Немного не дотянули,— словно оправдывался физрук.— Что-то с мотором...

— Теперь придется нарезать круги вокруг этих копен? — попытался неугомонный Холопов.

— Опять это магнето! — пробурчал тракторист, бросив возиться с движком.— Надо было его поменять, да перед праздником не хотелось копаться...

— Выгружайте свои лыжи! — поторапливал физрук.

Детвора стала вытягивать снаряжение. Лыжи переплелись, не выдергивались.

— Не торопитесь, сначала верхние,— подсказывал физрук, потом не выдержал и забрался в вагончик. Стал оттуда подавать что попадалось под руки: бамбуковые и алюминиевые палки, лыжи простые и полупластиковые. Некоторые оказались с заклеенными трещинами.

Внизу подхватывал все это сосед физрука Кропотов и оборачивался, отыскивая владельцев, которые сами забирали свое добро. Когда в руках у Кропотова оказались самодельные палки, почти напоминавшие черенки от лопат, он не удержался и помаhal ими в воздухе:

— Такими можно черепа пробивать!

— Давай сюда! — отобрал у него палки Холопов, видимо, сам выстругавший такое чудо.— Зато от волков отбиваться хорошо...

Тракторист вытер руки тряпкой и сказал Анатолию Семеновичу:

— Пока вы катаетесь, я схожу на полевой стан. Может, сторож найдет такое магнето.

— Ты надолго? — насторожился физрук.

— Полчаса туда, полчаса обратно, да там столько же...

— Ну, ладно, раз такое дело,— вынужденно согласился физрук. Он заметил, как Петряков выудил из-за сиденья початую «Московскую» и сунул себе за пазуху. Ладно, пусть угостит сторожа, может, действительно поможет с этим магнето...

Семиклашки, сняв свои фуфайки с куртками и забросив их в вагончик, стали прикреплять к обувке лыжи. Лишь девочки остались в пальтишках, боясь продрогнуть.

— А, может, все-таки двинем к балке? — подал идею Холопов.— Всего километра четыре, даже видно отсюда.

Физрук оставался в раздумье:

— Девочкам будет трудно...

— Там такая горка! Зря, что ли приехали?..

— Если бы не это! — недовольно показал рукой физрук на заглохший трактор.— Теперь не стоит удаляться от него, вдруг снегопад начнется...

— Ну пойдёмте туда! — упрасивали его.

— Нет, я сказал! Будем кататься на этом поле.

Через час поле избороздили сдвоенные пересекающиеся тропинки,— анархическая лыжня. Физрук все посматривал на расчищенную межклеточную дорогу в сторону полевого стана. Виднелась ажурная башенка мехтока с бункером на высоте, над избушкой сторожа столбом вился сизый печной дымок. Время шло, но тракторист как пропал.

Солнце незаметно скрылось в туманной хмари, на небо стали наползать тяжелые тучи.

— Что-то не нравится мне это,— пробормотал физрук, тоже стоявший на лыжах.

Он подозвал ближних к себе семиклашек:

— Придется идти за подмогой в совхоз. Вдруг на полевом стане не окажется магнето, что тогда? Только время потеряем. В шесть уже начнет смеркаться. Вы пока тут катайтесь, но далеко не заходите. Замерзнете, полезайте в вагончик и там сидите. Всем это передайте. А я попрошу другой трактор. До совхоза десять километров, дойду за час.

Он снял лыжи и зашагал на грейдер.

Едва физрук удалился, Холопов всех стал подбивать отправиться к Волчьей балке:

— Скатимся пару раз с горки, а потом вернемся.

Девчонки отнекивались, но, видя мальчишечий пыл, нехотя подчинились, хотя с горки на лыжах спускаться побаивались, лучше бы на санках. Холопов и взялся прокладывать лыжню. Плотный, весь в отца-столяра, энергии хоть отбавляй. Над верхней губой уже золотятся усики, пожалуй, через год придется покупать электробритву. Он махал палками, временами оглядываясь назад. Видя, что девчата поотстали, покрикивал, словно находился на месте их сегодняшнего наставника:

— Сильно не растягиваться!..

Олег Хаменчук тоже еле плелся в хвосте, задерживая продвижение. Он поминутно поправлял запотевающие очки и задышливо отсылал привет жожаку, срываясь на фальцет:

— Да не беги так! Нам не в книгу рекордов Гиннеса...

Троечников, а их было большинство в классе, всегда злило его умничанье.

Наст был подходящим, почти без бугров, как за школой на околице. Лишь кое-где встречались полосы свежего снега, на которых и отпечатывалась лыжня. А на самом насте по пути движения лишь оставались пестреющие точки от лыжных палок.

Полевой стан сбоку, по правую руку, становился более различимым: вон столовая, вон красный уголок, вон склады. Людей нигде не видно. Может, Петряков вместе со сторожем снимает сейчас нужную деталь с чужого трактора...

Скоро должно было начаться понижение в начале балки, но вдруг оттуда ударила целая волна ветра, едва не сбившая ребят с ног. Все интуитивно пригнулись и подались вперед, борясь с потоком. Волна давила все сильнее и сильнее. Небо заметно притемнилось, и глаза секло колкими снежинками, которые скоро превратились в сплошное месиво. Стало ясно, что начался снегопад. Дувало подхватывало хлопья и несло прямо в лицо. Снег слипался на ресницах, забивался за шиворот. Больно стало открывать глаза, оставалось только в щелочку смотреть под ноги.

Непонятно было, надолго ли это. Некоторые машинально отвернулись от неумолимого потока, сразу продрогнув до костей. Теперь хоть можно открывать глаза, но что толку? Видимость обрывалась в трех-четыре метра. Кто-то окликал товарищей, но свист ветра все заглушал. Вот когда пацаны пожалели об оставленных в вагончике фуфайках, в них была хоть какая-то возможность переждать напасть.

Ничего не оставалось делать, как возвращаться назад, но все следы замело, пара пустяков заплутать в такой круговерти.

Хаменчук снял ненужные теперь очки, которые залепило снегом, выпростал ноги из лыж и по ветру двинулся в обратный путь. Его подталкивало ветром. Он почему-то вспомнил из прочитанного рассказа, как заплутавшие охотники выбирают из тундры. Очень непросто держать прямой курс, так как вес человека несимметричен из-за смещенного влево сердца. Необходимо держать в правой руке какой-то противовес, например, подходящий камень, чтобы тебя постепенно не заворачивало в ле-

вую сторону, иначе нарежешь круг и вернешься в то же самое место. Может, все это придумки, да и какой здесь камень? Можно только держать курс по ветру, но его порывы теперь толкают вбок. Ветер переменялся или все-таки уже потерян ориентир?..

Через какое-то время перестало свистеть в ушах от ветра, но снег валил и валил, сплошная занавесь вокруг...

Комсорг Зоя Бойченко лыж не снимала — на ней были лыжные ботинки, а на них далеко не уйдешь, — без каблуков, скользкие подошвы, ноги будут разъезжаться. Она пробовала окликнуть кого-нибудь, но никто не отвечал. Наверное, все разбрелись. Тогда сама зашагала неизвестно куда, чтобы просто не заledenеть в своем красном пальтишке. Руки сводило от боли, ноги била неукротимая дрожь. Через какое-то время она не стала чувствовать пальцами ботинок, сами ступни стали задеревеневшими, мешали делать прочные шажки. Остановилась, облокотилась на расставленные лыжные палки, лбом в мокрые варежки. Стало уютнее, охватила непонятная эйфория.

«Я только немножко, совсем чуть-чуть...»

Толстушка Веревкина набрела на копну соломы, чему смертельно обрадовалась, как спасительному островку посреди неумолимой круговерти. Больше отсюда никуда! Она стала выдергивать пучки, стремясь сделать норку в копне, где можно было бы переждать непогоду. Рвала неподатливые хрусткие стебли, не жалея рук. Когда рядом с ней образовалась хорошая кучка соломы, вспомнила, что в кармане пальто болтался коробок спичек. Точно, он на месте! Разжечь, что ли, костерок, чтобы хоть пальцы погреть?..

Коробок оказался уполовиненным. Чиркнула одной спичкой, но ее сразу задуло. Присела, раскинув полы пальто, и зажгла вторую. Жиденькое пламя побежало вверх по соломинкам, но вскоре погасло, лишь краснели кое-где бисеринки, отдавая дымком. Попробовать сразу две спички для надежности? Вспыхнула одна серная головка, от нее зажглась другая, солома стала шипеть, огонь набирал силу. Теперь главное — подкладывать сверху солому, чтобы не гасло.

Так и делала, пока не разгорелся настоящий костерок, однако пламя на открытом месте металось из стороны в сторону, и мешал снегопад, словно пытался погасить эти спасительные язычки. Снизу уже протаял наст, показалась земля с ровной стерней. Но зато кончилась солома, надо снова дергать. Пока дергала, пламя улеглось, лишь перемигивались глазки на черном круге золы.

Накиданная сверху новая порция соломы не загоралась, а лишь дымилась. Осталась последняя спичка. Надо сначала побольше надергать соломы, чтобы под руками был запас. Маня уже не думала о норе, а выдергивала пучки, где податливее. Когда набрался ворох по пояс, набросала на золу побольше топлива, снова раскинула полы пальто. Последняя попытка. Спичку зажала намертво, и едва она вспыхнула, поднесла к ней раскрытый коробок, не касаясь головки. Он загорелся, и от него занялась солома. Теперь огонь лизал лицо, дым крутило вокруг, не знала, с какой стороны подступиться, чтобы погреться. Только найдет место, снова дым вильнет, и прямо в лицо — дышать нечем, глаза режет...

Кропотов тоже бросил свои лыжи и слепо тыкался по степи. Хорошо, что под трико он надел теплое белье и сразу две майки. Когда он снял шапку, чтобы опустить уши, различил металлический гул над головой. Отвернулся от ветра и стал смотреть вверх. Сквозь снежное мелькание удалось разглядеть параллельные полосы. Да это телеграфная линия! Надо двигаться под проводами и наткнешься на столб. Стал двигаться в этом направлении, приоткрывая уши шапки для контроля, и скоро действительно уперся в деревянный столб. Надо идти по столбам — обязательно приведут к жилищу...

Физрук почувствовал весь трагизм положения уже на подступах к селу, когда его подхватили тугие струи ветра, снося вбок, на обочину. Но он шел по грейдеру, и можно было особо не опасаться — иди хоть вслепую, лишь посматривай временами под ноги. К тому же впереди хлопала дизельная установка подстанции. Когда вошел в аллею, густо повалил снег. Теперь дети напрочь отрезаны непогодой.

Даже по селу было трудно передвигаться, а каково там, в чистом поле? Хоть бы успели семиклашки забраться в вагончик, на язык-то все бойкие, не сплеховали бы и сейчас. Анатолий Семенович даже не знал, что предпринять. Сначала надо в школу, вдруг директор еще у себя, хотя что ему там делать, если нет уроков? А вообще-то он на больничном после удаления аппендицита. Просто появился ненадолго на линейке. Разве что завуч задержался. Но его физрук не ставил в известность...

Ступеньки у школьной парадной двери были наполовину заметены, низ массивной, много раз крашеной и перекрашенной двери прикрывала снежная полоска. Ни одно окно не светится. Потянул за ручку — так и есть, заперто. Тогда быстрее в контору...

Сгибаясь в три погибели, двинулся в центр села. Ни одной души навстречу. Обогнул огороженный жидким штакетником парк и вошел в фойе конторы. В тусклом свете малосильной лампочки виднелись по стенам стенды с оскомными надписями: «Пятилетку за 4,5 года!», «Трудовые подарки доярок к празднику», «Наши правофланговые».

Заскрипели ступеньки двухмаршевой лестницы — со второго этажа спускался председатель рабочего комитета Размывакин, в овчинном тулупе, перекрашенном под дубленку. Физрук сразу к нему, словно к родной душе:

— Директор у себя?

— А что случилось? — сразу насторожился рабочком.

— Да у нас там трактор заглох...

— Какой трактор? — недоумевал Размывакин, поворачиваясь к собеседнику по направлению света лампочки.

Физрук сбивчиво объяснил ситуацию, рабочком всплеснул руками:

— Там же мой племянник — Олег Хаменчук. Пошли!

Он резко развернулся и опять стал давить тяжелыми унтами деревянные ступеньки лестницы. Ничего не объясняя молоденькой секретарше, открыл дверь директорского кабинета. У Антона Федоровича был парторг Жиздрев с неразлучной кожаной папкой в руках. На вошедших никто не обратил внимания.

— За тобой кормоцех, — продолжал рокотать директор. — Чтобы не получилось, как в позапрошлом году. Разморозили все к черту! Сколько убытков! Как праздник — за каждым следи в оба глаза. Обязательно надо надраться до посинения. Не может наш брат без этого...

Директор в зимние праздники распределял среди своих помощников дежурства на самых важных объектах: ферма, подстанция, МТМ, котельные...

— Антон Федорыч, срочное дело! — рабочком подтолкнул вперед физрука.

— Что там еще? — недовольно нахмурился директор. Он давно уже не отмечал этот мужской праздник в кругу семьи. Разве дадут. Почти всю ночь приходилось сидеть у телефона в своем кабинете. Лишь иногда на часок вырывался домой попить чайку и наскоро перекусить.

— Семиклассники остались в степи, — стал выкладывать физрук. — Трактор с вагончиком сломался возле второй бригады.

— Зачем же вы туда поехали? — директор не ожидал никакого подвоха от молодого физрука. Тот еще со школы выступал за совхоз на разных соревнованиях по

футболу и хоккею, всегда с дипломами возвращался. Да и теперь входит в местную сборную, которая не на самом плохом счету. В коридоре на стене стенд с кубками — в основном, благодаря ему.— Прогноза разве не слушал?..

— Дети всю зиму упрашивали покататься с горки в Волчьей балке. Да и солнце с утра светило...

— Ты видишь, что делается на улице? — директор ткнул пальцем на окно с наполовину заиндевевшими стеклами.

— Я сказал детворе, чтобы пересидели в вагончике, если что...

— А дрова там есть?

— Нет,— виновато потупился Анатолий Семенович.— Сами еле поместились.

— Ну ладно, тракторист, как его там... Петряков, надеюсь, догадается растопить печь хоть теми же лыжами...

— Петряков ушел на полевой стан поискать магнето.

— Оставили детей одних? — вскочил Антон Федорович с кресла и нервно затабанил пухлыми пальцами по краешку стола.— С утра пораньше пошлем грейдер расчищать заносы. Лишь бы все обошлось. За такое знаешь, что бывает?..

— А с полевым станом нет связи? — хватался за соломинку физрук.— Может, Петряков заменил магнето...

— Была бы связь, я бы без чужой подсказки давно позвонил. Петрякова скорее всего метель застала на стане. Воду из радиатора не сливали?

— Нет, у нас с собой не было запаса воды...

— Ну, все, картер уже лопнул! — стал заводиться директор.— Вот на черта ты это затеял, можешь объяснить мне по-русски?..

— Говорю же, просили всю зиму. Пожалел их, думал, зима уже кончается...

— Пожалел он их, называется! — директорские белки глаз сверкнули яростью.— Сейчас начнут родители здесь собираться, раз дети не вернулись вовремя. Поднимется настоящая паника. Устроил нам праздничек, нечего сказать!..

Словно в подтверждение его слов в кабинет вошел переполошенный директор школы:

— У меня родители спрашивают, где семиклассники? Сам я вообще-то на больничном...

Разглядел физрука. Тот молчал.

— Что молчишь?

— Они там, в вагончике у бригады. Трактор сломался.

Директор школы бессильно рухнул на ближайший стул, закрыв лицо руками:

— Боже мой, боже мой!.. Как чувствовал...

— Давайте не поднимать панику,— собрался с мыслями директор, услышав то-ропливый топот и возмущенные возгласы в коридоре.— Вон уже идут сюда...

В кабинет ввалилось с полдюжины сельчан.

— Мы думали, дети где-нибудь на чаепитии после своих лыж... А их вообще потеряли!..

На улице уже стемнело. Антон Федорович, объяснив ситуацию, попросил всех не шуметь, а лучше отправиться домой — готовить, у кого есть подходящий транспорт. Дай бог, к рассвету распогодится, и все поедут вслед за грейдеристом. Два человека из «безлошадных» остались дожидаться в конторе. Директор школы тоже задержался, он не находил себе места.

— А ты иди до других родителей, кто не пришел,— выпроваживал физрука совхозный хозяин.— Вдруг кто не в курсе по уважительной причине,— выразительный щелчок ниже подбородка.— Сам с ними объясняйся. А я должен сообщить об этом в райцентр. Пусть завтра на всякий случай пустят над балкой почтовый кукурузник.

Директор вместе с рабочкомом зашагал вниз к радисту. Увидев, что входная

дверь не закрывается из-за натоптанного снега, сказал Размывакину:

— Найди техничку, чтобы почистила, еще не хватало здесь регистры разморозить...

На улице физрук задумался, кто из оставшихся не оповещенными родителей семиклассников живет поблизости. Библиотекарша Семенович вон в том угловом доме. Но что сделает одинокая вдова, к тому же приволакивающая ногу? Ей не стоит ехать. Вот у Вододохова «Победа», очень проходная, на шасси.

Во двор к Вододохову не пускал свирепый кобель. Пришлось перелезть через штакетник и огородом пробираться к дому сквозь кусты малины и шиповника. Стал стучать в окна зала, где теплился свет. Минут десять топтался у окна — никто в доме не реагировал. Наконец за шторами промелькнула тень, приоткрылась дверь веранды. Желтый конус света наискосок разрезал давно нечищенный двор.

— Кто там? — хрипло.

— Это я. Закрой псину!

Физрук соблюдал безопасное расстояние между собой и рвущимся на цепи псом. Вододохов, спотыкаясь, неверным шагом прямо в тапочках дотопал до будки и затаячил в нее зевластого охранника, прикрыв на вертушку сетчатую дверцу.

— Закемарил немного, моя тоже спит. А где Пашка?

Физрук понял, что и от этого будет мало проку — уже наклюкался. Но на всякий случай сказал:

— Ты бы откопал к утру гараж. «Победа» на ходу?

— А шо такое?

— Застряли ребята в вагончике. Утром поедем вызволять...

— А ты почему здесь? Бросил их? А если что... Да я тебя своими руками!..

У Вододохова под усами блеснуло жутким оскалом, он стал потрясать перед собой скрюченными пальцами. Потерял равновесие и чуть не упал, задержавшись за оконный переplet. Хрустнуло стекло.

— Мы собираемся в конторе. А я пока к другим...— физруку ничего не оставалось делать, как поспешить тем же окольным путем на улицу...

* * *

К утру снегопад прекратился. Грейдерист стал прочищать дорогу от рыхлого снега. Следом двигался целый кортеж: директорский «Бобик», автолавка Кропотова, «Победа» Вододохова, две «Беларуси»...

На трассе особых заносов не было, а вот дорогу до полевого стана второй бригады замело полностью — чуть проглядывали комковатые кромки от прежней чистки.

В трехстах метрах от трассы виднелся ДТ-75 с вагончиком, гусеницы наполовину в снегу. Однако такое странное безмолвие, кабина трактора пуста, вагончик непривычно статичен. Даже если кто-то приподнимется на лавке — вагончик сразу начинает ходить на рессорах, а сейчас не шелохнется, и труба не дымится. Невозможно не заметить из окошка вагончика такую колонну, но почему никто не спешит навстречу?..

Физрук первым побежал по глубокому снегу к вагончику, за спиной тоже раздались нетерпеливые возгласы, снежный хруст нагоняющих. Анатолий Семенович рванул за дверную ручку и обомлел — внутри пусто, никаких лыж. Значит, сюда больше не возвращались...

Все остолбенели и с нескрываемой неприязнью глядели на физрука: что он скажет? В это время на бреющем полете пронесся над полями в сторону балки почтовый кукурузник. Все стали следить за его разворотами, словно это давало какую-то надежду.

— Надо пробиваться на стан,— махнул рукой бульдозеристу директор совхоза. Трактор зарычал с удвоенной силой, приподнял блестящий отвал и принялся таранить все нарастающую кучу снега на межклеточной дороге.

Антон Федорович отозвал в сторонку рабочкома:

— Сгоняй к парторгу. Я его оставил за себя. Сейчас из райцентра передадут, что увидели с воздуха. Потом сразу сюда.

Директорский «Бобик» стал объезжать на трассе колонну. В это время кукурузник пролетел над головами собравшихся и повернул в сторону райцентра, быстро превращаясь в точку среди голубого неба.

Теперь вся надежда была на полевой стан. Может быть, Петряков всех ребят увел от непогоды туда. Весь транспорт стал двигаться вслед за бульдозером, который действовал свирепо, на пределе возможного. Через полчаса дорога до стана была почти пробита, оставалось метров пятьдесят. Сторож с Петряковым уже поджидали, забравшись на старую кучу снега. Директор школы приложил ладони ко рту:

— Ребята у вас?

Сторож с Петряковым недоуменно переглянулись.

— Нет. А что?..

Такого ответа боялись больше всего. У всех собравшихся сжались в комочек сердца. Значит, надо готовиться к самому худшему, хотя никому не хотелось в это верить.

Видно было, как у Петрякова посерело лицо и повело губы. Он все понял и только гадал: какое будет ему наказание. В таких случаях чаще всего начинают искать «стрелочника».

Когда одолели последние метры заноса, Антон Федорович скомандовал:

— Осмотрите все постройки и всю территорию вокруг!..

— Никого здесь нет,— лепетал сторож с татарским акцентом.— Я все сам-сам проверяю. Заметил бы...

Но его никто не слушал. Осмотрели все закоулки — тщетно.

Директор собрал всех вокруг себя:

— Не будем терять драгоценного времени...

— «Бобик» едет! — выкрикнул кто-то.

По прочищенной дороге вихлялся директорский брезентовый внедорожник. Рабочком выскочил, хлопнув дверцей, и сразу к делу:

— Передали только, что возле одной копыны виден черный круг, в нем какое-то движение. А в трехстах метрах слева от Волчьей балки на ее середине фигура в красном на лыжах.

— В красном пальто! — радостно воскликнул водитель автолавки Бойченко.— Это моя Зочка. Где, в каком месте, покажите мне, я сам...

Рабочком повторил свои слова, Бойченко ринулся в поле, по колени проваливаясь в снег.

Подойдя вплотную к Антону Федоровичу, рабочком добавил с дрожью в голосе:

— Уже пробивается из райцентра милиция со скорой помощью...

И смерил физрука тяжелым взглядом.

Директор снова взял инициативу в свои руки:

— Растягиваемся цепью и будем все прочесывать, сначала в ту сторону балки. Обращаем особое внимание на все бугорки, осматриваем каждую копну.

Цепь стала двигаться. Облегчало дело то, что снег не везде был глубоким, с оглаженного солнцем наста его сдувало, и он цеплялся лишь за складки и волны. Под первым же бугорком ждала страшная находка — откопали застывшего калачиком Олега Хаменчука.

Когда приблизились к одной из копен, стало понятно, о каком черном круге шла

речь. На огромной куче почти остывшей золы лежала Веревкина — здесь она пригrelась. Увидев людей, повернула чумазое, как у негра лицо, стала подниматься.

— Ты в порядке? Ноги-руки не отморозила?..

Ее сразу же увлекли с двух сторон за руки в сторону транспорта. Никаких обморожений у нее не обнаружили, и на директорской машине быстренько отправили домой.

Интуиция словно вела Бойченко к цели. Как только он встал на увал балки, увидел в дальней ложбине красный силуэт. Выпрастываясь из невидимых под снегом ямок и упавая на руки, он напрягал все свои силы, чтобы поскорее добраться, доползти до родимого существа.

— Я иду к тебе! — повторял он, досадуя, что ноги плохо слушаются.

Да, это она, до нее совсем чуть-чуть осталось, но почему она не откликается, даже не шевелится? Должно быть, сильно устала. Бойченко поравнялся с дочерью, стал смахивать с ее плеч снег и неожиданно почувствовал чугун под сукном. Стал трясти дочь за плечи, но под руками — холодный монолит. Разум отказывался это воспринимать.

Даже не услышал, как рядом оказались сторож с трактористом Петряковым. Они стали сапогами отмахивать нанос с лыж, чтобы отделить их от ног девчонки. Сторож поддерживал лыжницу сбоку, когда та стала статуей крениться набок. Потом Петряков стал отцеплять лыжные палки, петля одной из них была закинута на руку, поэтому он молча вынул из кармана складной нож и стал ее перерезать.

— Зачем? — старался помешать этому Бойченко и попытался поднять дочь на руки. Его мягко, но настойчиво оттеснили:

— Мы сами...

Мужики подняли школьницу за ноги и плечи, понесли в сторону машин. Отец, ничего не соображая, забегал сбоку, пытался прикрыть ноги дочери сползающими полами пальтеца:

— Ей холодно!..

На заднем диванном сиденье «Победы» замерзшая не умещалась. Рабочком кивнул в сторону автолавки:

— Придется туда...

Распахнули будочную дверь автолавки, на металлическом полу какие-то разломанные ящики. Бойченко загоразживал дочь:

— Зачем в автолавку?

На трассе послышалось пофыркивание машин, на межклеточную дорогу съехал милицейский узик болотного цвета и следом притормозила белая «скорая помощь».

Трое из райотдела милиции — следователь, участковый и криминалист — подошли к директору, здороваясь за руку. Он один был в настоящей замшевой дубленке коричневого цвета. Других людей служивые словно не замечали.

— Нашли семерых из двенадцати, — коротко бросал нахмуренный Антон Федорович. — Одна девочка жива, отправили домой.

— Продолжаем поиски! — отчеканил следователь. — В каком направлении еще не прочесывали?

Служивые без лишних слов подключились к поискам.

Бойченко приподнял худенькую дочь, прижал к себе и понес в «скорую». В ней уже лежали на полу в позе эмбриона два замерзших школьника. Находящийся на практике молодой рыжеусый медбрат в белом халате потрогал одного из лежавших за запястье и поморщился. Подхватили из рук Бойченко тело в красном пальто и стали укладывать на полу рядом с другими несчастными.

— Может, ее еще можно оживить? — умоляюще смотрел на двух приехавших медиков Бойченко. — Ведь бывают такие случаи...

Врачеватели ничего не отвечали, только старший, увидев, что с поля несут еще двоих замерзших, произнес озабоченно:

— Все не поместятся. Остальных придется распределять по машинам.

И тоже посмотрел в сторону автолавки.

Когда к «скорой» поднесли новые обнаруженные детские тельца, практикант попросил Бойченко выйти из машины, куда он уже забрался.

— Я тоже поеду! — упирался сельчанин.

— Извините, сами видите — нет места.

Медики уложили новых прямо поверх других тел. Бойченко опять стал пытаться забраться в «скорую».

— Дайте закрыть дверь. Мы потом сообщим, когда приезжать в морг, — произнес практикант и поперхнулся.

Дверь все-таки закрыли. Старший в халате, реаниматор, набросился на молодого:

— Не учили вас, что ли, на занятиях врачебной этике?

— Я сам все понял, просто случайно вырвалось...

— Это мы между собой так можем разговаривать. Сейчас еще начнут кидаться на машину...

И точно — Бойченко с перекошенным от страдания лицом стал бить кулаком в бок «скорой». Рабочком обнял его за плечо и стал утешать.

Директор школы суетился больше всех на поисках — вина придавливала его. Тяжелые мысли преследовали, не покидали ни на минуту. Это ж надо такому случиться! Теперь, если не выпишут «волчий билет», перекинут в какую-нибудь отстающую школу, в самое захолустье — в лучшем случае завучем. Да черт с ним, пусть хоть сажают! Его вина очевидна — понадеялся, не доследил, дал добро на эту поездку. Всех семиклашек он знал по имени, помнил каждую конапушку на лице. С этими ребятами он даже фотографировался, когда они были в третьем классе. Заглянул в актовЫй зал, а там фотограф выстроил на сцене их вместе с классным руководителем. Тогда еще Хаменчук окликнул директора: «Пойдемте с нами фоткаться!» И вот он откопал его в снегу, ооченевшего, синие ладони под мышками. Теперь та фотография на всю оставшуюся жизнь будет немЫм укором...

Осталось найти последнего семиклассника — Кропотова. Вроде бы все уже вокруг обошли, нашлись только его несуразные лыжные палки недалеко от телеграфной линии. Вспомнили про волков, но в балке не виднелось их следов.

— Будем продолжать поиски, пока не найдем! — повторял уставшим людям следователь. Сам он на минуту подзвал директора школы и пригласил в милицейский узик для процессуальных действий. Там уже сидел понурый физрук. Следователь быстро опросил директора и дал подписать все записанное с его слов.

Из Казанки в очередной раз прикатил «Бобик», на этот раз приехал сам парторг.

— Нашелся Сашка! — едва высунувшись из машины, воодушевленно воскликнул он с облегчением. — Его сейчас привезли из Мирного. Да живой! Сам туда пришел по столбам...

Сотрудники милиции поняли, что их миссия на сегодня закончена; собрались и уехали, сказав директору, что уцелевших семиклассников опросят в следующий раз. «Скорая» тоже стала разворачиваться на узком очищенном промежутке, чтобы отправиться следом в райцентр.

В это время Вододохов угрожающе подбежал к директору с монтировкой в руках:

— Где этот?..

Он не мог понять, куда подевался физрук.

— Уже взяли за цугундер, — выразительно посмотрел на него директор, и тот как-то смяк.

— Я представляю, что бы ему здесь было сейчас! — вполголоса сказал Жиздрев

директору.— Угробил целый класс...

* * *

Физрук отсидел «от звонка до звонка» все пятнадцать лет срока. Потом вдруг объявился в Казанке. Ему намекали, чтобы он уехал куда подальше. Тот вроде соглашался, но кивал на то, что надо сначала хоть немного заработать на дорогу. Да и где его ждут с такой биографией — судимых нигде не берут на сносную работу, а он кроме как гонять мяч и шайбу, ничему не научен. На зоне все это время валил лес. Ему советовали податься вольнонаемным на северные нефтепромыслы, там таких немало, да и платят более-менее. Но бывший зек все раздумывал.

В один прекрасный день его обнаружили ранним утром прикрученным проволокой к забору собственного дома, шея намертво стянута.

В райотделе не стали заводить уголовное дело, написав в заключении судебной экспертизы, что это самоубийство — бумага все выдержит...